

УДК: 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-123-132

ПОРЕФОРМЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1860-1880 гг.

Сарыков Е.С.

Московский государственный университет леса

141005, Московская область, г. Мытищи-5, ул. 1-я Институтская, д. 1,

Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена качественным изменениям, происходившим в кустарной промышленности в 1860-1880 гг. в результате либерализации социально-экономического порядка в Российской империи на примере Курской губернии. Трансформация местных кустарных промыслов была опосредована двумя основными факторами: втягиванием региона в национальный рынок и ухудшением положения в основной отрасли экономики губернии – сельском хозяйстве. Новые экономические условия с 1880-х гг. генерировали модернизацию в товарных отраслях кустарной промышленности. В то же время, сокращение доходов крестьянских хозяйств в результате кризисных явлений в аграрной отрасли, вынуждало селян расширять сферу патриархальных форм промышленного производства.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, пореформенная эпоха, кустарные промыслы, отходничество, Курская губерния.

EVOLUTION OF POST-REFORM PEASANT INDUSTRY OF KURSK PROVINCE IN THE 1860-1880 YEARS

E. Sarikov

Moscow State Forest University

1, 1st Institutskaya Street, Mytishchi, 141005, Moscow Region, the Russian Federation

Abstract. This article analyzes the qualitative changes taking place in the cottage industry of Kursk province in the 1860-1880s which took place due to the liberalization of social and economic order in the country and the region. The transformation of Kursk domestic industry was mediated by two main factors: the retraction of the region in the national market and the deterioration of the situation in the main sectors of the province economy – agriculture. New economic conditions of the 1880s generated the modernization trends in commodity sectors of the handicraft industry. At the same time, a serious drop in income of peasant farms which happened due to the crisis in the agricultural sector forced the villagers to expand the scope of operation of the patriarchal forms of industrial production.

Key words: peasant farm, post-reform epoch, domestic industry, seasonal work, Kursk province.

Ухудшение положения в аграрной отрасли Курской губернии обуславливало несколько последствий для промышленных занятий крестьян. Во-первых, сокращение товарной продукции сельских хозяйств, а следовательно, и денежных поступлений, вынудило крестьян расширить объем промышленной продукции, производимой самостоятельно. В губернии распространились «примитивные формы кустарного производства: один и тот же человек и кожи выделывает и сапоги шьет. Вероятно, так и делали предки его еще в Киевскую эпоху, во времена Владимира Святого, так делает он и до сих пор...» [3, с. 14]. Практически полностью крестьяне губернии обеспечивали семейные потребности в грубой домотканой и шерстяной материи для изготовления одежды. При этом в земской статистике числилось всего 30 ткачей, которые, конечно, не могли удовлетворить всех жителей губернии в шерстяных и пеньковых тканях. В подобной же ситуации земские статистики относительно санного производства отмечали, что «часто попадались такие деревни, где крестьяне сплошь занимались изготовлением повозок и саней для себя» [3, с. 202]. Такие производители, как правило, не включались в учет земской статистики.

Наряду с удовлетворением собственных нужд в промышленных продуктах наиболее рукастые мастера работали по заказу потребителя (как правило, своего общинника-соседа). Так, например, веревочники Щигровского уезда практически не работали на рынок. Замечательно, что несмотря на наличие в губернии центров веревочного промысла, производивших

товарную продукцию по более низкой цене (веревка – 2 руб. 30 коп., канат – 3 руб.), и ее подвоз на базары уезда, щигровские веревочники отмечали, что «они завалены работой, а иногда даже не могут исполнить всех заказов». Таким образом, нереализованный потребительский спрос инициировал не только домашнее крестьянское производство, но и расширение ремесла.

Ремесленный характер многих промыслов сохранял устойчивость даже в новых условиях либерализации экономики. Типичным в этом отношении являлся иконописный промысел слободы Борисовки, зародившийся в начале XVIII в. благодаря основанию в 1714 г. сподвижником Петра I графом Б.П. Шереметевым Борисовского женского монастыря в память о Полтавской победе [2, с. 105-114]. Иконописцев «старой школы», красочников, т. е. тех, кто мог создать религиозный сюжет, осталось в слободе к середине 1880-х гг. четыре: Г.А. Сидоренко, А.Г. Сидоренко, Т.Д. Ткаченко и А.А. Кульгута. Остальные иконописцы «дальше личкунства нейдут», т. е. выписывания ликов.

Комплекс факторов, среди которых ухудшение положения традиционной отрасли хозяйства занимало центральное место, обусловил сдвиги в кустарном отходничестве. Прежде всего эти сдвиги касались наращивания масштабов выхода мелких промышленников за пределы губернии. Случалось и таким образом, что промыслы, укорененные в губернии «с дедов», в силу изменившейся экономической ситуации, становились отхожими. Так, вышнеозерненские и мелехинские бараночники, булочники, грибники, обеспечивающие обширные потребности

торговцев Коренной ярмарки, после ее закрытия переориентировались на отход в Харьков, Ростов, Одессу и даже в Крым.

Проявляющиеся с 1880-х гг. новые условия хозяйствования, вызванные форсированной индустриализацией страны и развитием капиталистического уклада, в связи с национальным рынком генерировали модернизацию товарных отраслей кустарной промышленности региона, ориентированных на поставку продукции за его пределы. Отдельные отрасли, не справляющиеся с задачей адаптации к веяниям времени, навсегда сходили с «подмостков истории», другие трансформировались в направлении специализации, удовлетворения запросов потребителей, технического перевооружения, концентрации и т. д. Так, прекратили существование во многих местностях губернии производства колесников и санников, перешедшие на дорогое покупное сырье. То же произошло с поясным производством в Фатежском, Курском, Щигровском уездах [3, с. 31; 4, с. 244-245]. В конце 1880-х гг. в упадок пришел шаповальный промысел. В Рыльском уезде, в южной его части, это производство давало дополнительный заработок жителям 12 деревень. С изменением моды городской картуз совершенно вытеснил войлочные колпаки и шляпы.

Однако было бы большим упрощением представлять последствия либерализации экономики для кустарной промышленности губернии односторонне в качестве депривации. В реальной хозяйственной практике действие рыночных механизмов оказывало разновекторное влияние, порождая разнонаправленные тенденции

отдельных сегментов кустарничества, имевших различные социально-экономическими характеристиками. Так, в связи с закрытием Коренной ярмарки и изменением условий сбыта, качественная трансформация произошла в коврово-ткацком промысле. Ковровый промысел существовал исторически и длительное время функционировал как домашнее производство. Независимо от эволюции общественного хозяйства, уровня торговых связей региона с другими территориями страны, состояния внутреннего рынка, значительный сегмент домашнего ковроткачества присутствовал в кустарной промышленности губернии. Ковры «для себя» приготавливаются вообще очень небрежно, на основании того соображения, что «для себя-то, дескать, как ни на есть сделай – все сметет». Отделка их весьма груба, рисунки однообразны: преобладающим рисунком на таких коврах является двуглавый или одноглавый орел с распростертыми крыльями; попадаются также ковры с башнями и деревьями» [4, с. 246]. Значительная часть ковроделов (из числа наиболее мастеровых) изготавливала продукцию на продажу. Ковры для рынка отличались лучшим качеством и «затейливостью» рисунка. Так же старательно выдвигались ковры на заказ потребителя. Причем в этом сегменте ковроткачества «ремесленном» работали наиболее талантливые кустари, изготавливающие так называемые господские ковры [4, с. 246].

Особенно отчетливо новые экономические условия проявились в так называемых кустарных гнездах. В Курской губернии с давних времен наряду с сапожным ремеслом, присутствующем практически в каждой деревне,

сформировались центры кожевенно-сапожного производства. Шитье сапог сконцентрировалось преимущественно в слободах Велико-Михайловке, Ольшанке, Покровском, Татьяновке, Холани, Ниновке, Чернянке и Слоновке Новооскольского уезда; Томаровке Белгородского уезда; Борисовке Грайворонского уезда; Мирополье Суджанского уезда; Алексеевке, Кореньке, Зимовеньке, Неклюдовой и Белой Корочанского уезда. Во всех этих местах производители шили сапоги для рынка, а не для отдельных заказчиков-потребителей. Производство сапог, преимущественно малороссийским населением, являлось одним из самых старых промыслов. В крупных размерах промысел был распространен в южных уездах Курской губернии еще с XVIII столетия, а в 50–60-х гг. XIX в. он достиг своего апогея – все южные ярмарки и базары были завалены курскими сапогами, вытеснившими с рынка сапоги, сработанные в других местах.

В силу особой рентабельности промышленных занятий сапожники расширяли промысел в ущерб земледелию. Однако с 60-х гг. XIX в. «когда проведены были железные дороги и на южные рынки проникли владимирские, московские и тверские сапоги», промысел стал испытывать давление конкуренции на национальном рынке. Кризис в сапожном производстве наступал постепенно: сначала крупные подрядчики уменьшили свои заказы, потом их заменили мелкие подрядчики, наконец, подряды совсем прекратились и заменились скупкою готовых сапог на местных базарах. Попутно с этим, обеспеченное производство по заранее условленной цене заменилось

случайным заработком, находящимся в зависимости от того, сколько пар сапог будет вынесено на базар.

При наступлении кризиса новооскольские сапожники попытались бороться с негативными последствиями конкуренции с продукцией промышленных регионов. Соединяясь в артели, они посылали партии сапог на южные ярмарки, но, не зная условий сбыта, терпели на этом поприще фиаско. С целью сохранить свою конкурентоспособность, сапожники переспециализировались на продажу сапожных заготовок по цене готового кожевенного сырья. Кустари выносили на базар хорошо скроенные и посаженные на колодку сапоги, едва прошитые дратвой и клеем и в таком виде сбывали скупщикам, покупатели которых на юге, принеся домой покупку, вновь перешивали купленный шаблон сапог. Среди потребителей даже сложилась относительно кустарного сапога метафора: «цена ему грош, да фасон-то у него хорош» или «в пятницу одел, а к субботе подметки растерял» [1, с. XII].

Аналогичным образом новые экономические условия изменяли облик производства скатертей в слободе Борисовке Грайворонского уезда [2, с. 39–47]. В слободе в скатертном производстве было занято 273 чел., из них 255 мужчин и 36 женщин. Промысел существовал с 30-х гг. XIX в. и с момента зарождения производства кустари работали на рынок, а скатерти изготавливались «исключительно из пеньки и льна простые, по отзывам крестьян, мужицкие». Однако расширение рынка сбыта скатертей и повышение требований потребителей к качеству продукции обусловили коренную

трансформацию промысла. Материалом для изготовления скатертей в 1870-е гг. стал хлопчатобумажный уток, приобретать который мелкими оптовыми партиями стало «по плечу» лишь самым состоятельным. Новыми «хозяевами» (таковых насчитывалось 18) стали местные торговцы, имеющие «свои бакалейные и красные лавки, которым было «сподручно разъезжать со скатертями по базарам и ярмаркам»».

Основная масса мастеров прекратила самостоятельную работу на рынок и полностью перешла к изготовлению продукции на «хозяев», снабжавших кустарей материалом и даже кредитовавших их потребительскими товарами. При этом чистый заработок такого ткача в год составлял 27 руб. 20 коп. (для сравнения доход «хозяина» в год достигал 625 руб.). Низкий уровень материальной состоятельности скатерщиков (80,6% были безлошадными) создавал условия, при которых мастера соглашались работать за любые деньги.

Последствия развернувшейся в кустарных промыслах модернизации заключались не только в революционной трансформации их традиционного строя. Часть отраслей, где ручной труд сохранял общественную значимость (например, кружевной), в которых большую часть вновь создаваемой стоимости составляли трудовые затраты кустарей, формировали функциональное пространство для кустарной промышленности в новой индустриальной экономике. Несмотря на то, что даже в этих хозяйственных условиях кустарные отрасли сохраняли внешнюю статичность, характер их внутреннего содержания менялся принципиально: из вспомогательного

средства к традиционному сельскому хозяйству, восполняющему недостающий доход, этот сегмент кустарничества превращался в механизм роста товарности крестьянского хозяйства и извлечения прибыли.

Иллюстрацией кустарных промыслов, типичных с точки зрения генерации ниши мелкой сельской промышленности в индустриальной экономике, могут служить деревообрабатывающие производства губернии: лукошечное в слободах Зимовенька и Белая Корочанского уезда; рамное в слободах Ивановской и Лисицы Грайворонского уезда; изготовление борон, повозок, саней в с. Пузачи Тимского уезда; ящичное – Корочанского уезда; сундучное – слобод Велико-Михайловки, Холани, Слоновки Новооскольского уезда. «По своей организации производство это, – говорится в материалах земской статистики, – очевидно, принадлежит к типу мелкой кустарной промышленности, потому что, во-первых, кустари в большинстве случаев работают самостоятельно, силами своих только семей; во-вторых, все они покупают материал производства сами для себя, не прибегая к помощи крупных предпринимателей-подрядчиков; в-третьих, на это указывает и сама форма сбыта, не носящая решительно никаких признаков капитализма» [2, с. 186].

Одной из черт процесса модернизации кустарной промышленности являлась дифференциация промышленной и аграрной отрасли крестьянского хозяйства. Несмотря на общий сельскохозяйственный характер региона, к концу 1880-х гг. в Курской губернии сформировались кустарные гнезда в поселениях, в которых земледелие

рассматривалось подсобным по отношению к промышленным занятиям. «Исключение составляют производители больших деревень, вроде Велико-Михайловки, Борисовки, Томаровки, Мирополья, Михайловской Слободы Дмитриевского уезда, Мантуровки. Крестьяне этих деревень давно уже бросили земледелие, а потому вынуждены все свои потребности удовлетворять из доходов, доставляемых промыслам, в том числе и по обработке дерева» [1, с. XIII]. Кустари этих промышленных сел изготавливали сита, оконные рамы, сундуки, киоты для икон, иконы и т. д.

Характерной чертой модернизации кустарной промышленности стало развитие кооперативных форм хозяйствования. В среде кустарей Дмитриевского уезда кооперация приобрела устойчивые формы. Здешние отхожие плотники, пильщики и каменщики, составляющие главный контингент всех внеземледельческих промышленников в уездах (около 15% общего количества), в большинстве случаев ходили работать самостоятельными артелями. Артели устраивались обыкновенно по 12-18 чел. Промышленники, осознав прямую выгоду таких артелей, организовывались в них, кроме тех, кто «запутался в долгах у местных рядчиков: Пестехина, Кабалдина, Черюкина» [3, с. 40].

В самостоятельной артели, состоявшей из равноправных промышленников, заработки, как правило, превышали доход отходников-одиночек. «Братчик» (член товарищества) каменщик получал 140-160 руб., плотник – 120-140 руб.; а работники «второй руки»: каменщик – 120-130 руб., плотник – 80-100 руб.; работники «третий

руки»: каменщик – 90-100 руб., плотник – 60-80 руб.; новички «перволетчики»: каменщик получал 60-70 руб., плотник – 50 руб. В то же время по найму у рядчика каменщик «первой руки» получал максимально 90-110 руб., «второй руки» – 70 руб., «третьей руки» – 40 руб., а при неблагоприятных обстоятельствах – 30 руб.; плотник «первой руки» – 80-90 руб., «второй руки» – 60 руб., «третьей руки» – 40-50 руб., а «перволетчик» обеих специальностей никогда не получал больше 30 руб. [4, с. 248-249].

Насколько широко была распространена «братская» самостоятельная артель можно судить из того, что в Дмитриевском уезде, из общего количества каменщиков, около 40% уходило на заработки такими самостоятельными товариществами; из общего числа плотников и пильщиков братскими артелями ходило несколько меньше народа, именно около 30% [3, с. 43-44]. Кооперативная организация была присуща не только отхожим промыслам, но и оседлым. Например, в гончарном производстве кустари совместно строили горн и сообща (по четыре двора) использовали его для обжига. Таким образом, был организован гончарный промысел в четырех северных уездах [3, с. 44]. Особенно успешно кооперативная организация развивалась в кустарных отраслях, где частнокапиталистическая инициатива имела ограниченную функциональность. Таковыми являлись ручные производства, сохраняющие общественную значимость и не имевшие тенденции к росту капиталоемкости. Так, на кооперативной основе функционировал дужный промысел в Щигровском, Грайворонском, Суд-

жанском уездах у «крестьян четвертого права», живших в общинах «особо замкнутой жизнью». Так, каждый род составлял самостоятельное *status in statu*, поскольку члены рода «живут в тесной дружбе и союзе между собой; кровная родовая связь, а также общие земельные интересы поддерживали между ними постоянное общение». Дуги производились на рынок, но мастера никогда не держали у себя наемных рабочих и вели промысел исключительно силами своей семьи. Умения передавались только внутри родовых сообществ.

Артелями работали камнетесы из Троицкого и Фатежского уезда. Камнетесы не только объединяли трудовые ресурсы, но и в складчину приобретали каменоломни и пользовались переносной кузней. При работе артели каждый получал свою долю по мере вытаскивания камней из ямы и перевозил свою часть домой. «Форма артели здесь, значит, сырьево-производительная: члены соединяются только для совместного добытия сырья, окончательная же обработка его производится единичными силами каждого рабочего в отдельности. В этой артели никакого «старшего» или заведующего не существует; да при такой несложной работе это было бы и излишне, так как здесь не требуется делать никаких распоряжений, а приходится только работать, пускать в ход мускульную силу и ничего более.

Артельщики... работают исключительно силами своих семей. Они соединяются обыкновенно по пять-шесть человек, аренду платят сообща, сообща работают и весь инструмент приобретают на общие же, артельские средства» [2, с. 147-149].

Два направления (частнокапиталистическое и кооперативное) концентрации производства демонстрировал горшечный промысел, получивший развитие в слободе Велико-Михайловке Новооскольского уезда благодаря усилиям князя Голицына, который «выселял сюда разных мастеров из своих имений, находившихся в других губерниях». Благодаря высокому качеству глины в 1880-е гг. гончарное производство укоренилось в слободе Стрелица Корочанского уезда. Сокращение лесных угодий и его последствия в виде повышения цен, конкуренция с товаром промышленно развитых регионов, обострившаяся с момента введения в строй железной дороги, обусловили модернизацию традиционного горшечного промысла, которая пошла по двум социально-экономическим парадигмам. Часть кустарей, самостоятельно не справляющихся с материальным обеспечением производства, перешла на работу к владельцам крупных мастерских или переориентировалась на изготовление горшков для скупщиков. Другая часть решала проблему поддержания промысла за счет кооперирования.

«Горны имеются обыкновенно не у каждого хозяина, они устраиваются всегда тремя или четырьмя горшечниками вместе, в складчину. Делается это частью же из экономии дров. Члены артели, товарищи по горну, стараются, чтобы горн не остывал, и как только один кончает обжигание и вынимает из горна горшки, другой тотчас же начинает туда накладывать свои, потому что в противном случае, если он не поторопится этого сделать, горн остынет, и ему придется истратить дров на несколько копеек больше, чтобы разогреть под и стенки горна. В зимнюю пору иногда

бывает, что горн, вследствие временно-го перерыва в работах, застынет совсем, занесется снегом, так что для одного разогревания его дров необходимо на 1,5-2 руб. В таких случаях артельщики разогревают его сообща, складываясь дровами поровну» [2, с. 159-160].

Модернизация кустарных промыслов давала результат не только в специализации, но и структурировала мелкую промышленность по социально-экономической организации [1, с. 39-40; 3, с. 58-63]. Наиболее активная часть сапожников благодаря расширению связей с национальным рынком, адаптировавшись к новым условиям, обрела материальный и социальный статус предпринимателей (2,4%). Инициатива нарождающихся буржуазных элементов распространялась среди некогда однородной массы кустарей – 5,7% общинников было организовано в домашней форме капиталистического производства. Не все из них прекращали самостоятельный промысел в связи с материальной несостоятельностью. Значительная часть работающих на предпринимателей на дому не могла целиком посвятить свое время промышленной деятельности в силу того, что земледелие продолжало составлять основную отрасль хозяйства и требовало значительных затрат труда. Эпизодическая сапожная работа «на подрядчика» вполне устраивала состоятельного сельского хозяина. Дополнительный годовой доход от кустарного промысла являлся существенным довеском к общему доходу земледельца.

Кустарные промыслы, наряду с промышленным капиталом, активно осваивались предпринимателями-скупщиками и комиссионерами. На них

работали 10% кустарей. Комиссионеры из крестьян зачастую появлялись не как продукт из среды деревенских мастеров или экспансии торгового капитала «со стороны», а как следствие прямой хозяйственной необходимости в обеспечении сбыта кустарных изделий, реализовать которую силами кустарного населения, оставшегося земледельческим, было невозможно. Наименее состоятельные сельские хозяйства, из числа утративших связь с сельским хозяйством и таким образом лишившихся опоры на традиционную крестьянскую отрасль, становились сельскими пролетариями, нанимавшимися в крупные кустарные мастерские (10,4%). Однако и в этом случае положение наемника не всегда было связано с потерей материального статуса крестьянина. Зачастую внаем подражались начинающие промышленники, особенно из числа подростков.

Несмотря на новые экономические условия, сохранялось достаточное функциональное пространство для мелкотоварного кустарного производства: самостоятельно работало на рынок 55% кустарей. Следует заметить, что и этих производителей не миновала частнокапиталистическая инициатива. «Капиталисты» хозяйства крупных мастерских, раздающие работу на дом, в отношениях с самостоятельными кустарями выступали в роли «скупщиков», диктовавших условия кредитования и сбыта готовой продукции. Самым многочисленным слоем мелких промышленников, составлявших резерв роста товарных отраслей кустарного производства, являлся слой сельских ремесленников, работавших под заказ потребителя. Данные земской статистики в полной

мере не отражают масштабы этого сегмента крестьянской промышленности, так как учитывают его небольшую часть: только те отрасли, в которых ремесло присутствовало наряду с товарным производством. Однако даже в столь ограниченном формате ремесленники составляли 26,5% среди вошедших кустарей.

Таким образом, развитие кустарных промыслов Курской губернии в 1860-1880-е гг. обуславливали два основных фактора: ухудшение положения сельскохозяйственной отрасли и форсированная модернизация общественного хозяйства страны, составной частью которого являлась экономика региона. Отсутствие «амортизаторов», сдерживающих последствия коренных трансформаций, объясняется традиционно земледельческим характером экономики губернии, в недрах которой не сформировались или сформировались в ограниченных размерах зачатки крестьянского товарного производства, в том числе в кустарной промышленности.

Сужение возможности дохода в результате получения товарной продукции в сельском хозяйстве расширило масштабы реализации потребности крестьян в промышленной продукции за счет домашнего производства. Мотивация на поиск дополнительных заработков крестьян побудила многих из них использовать навыки домашнего производства для изготовления промышленной продукции на заказ и тем самым увеличивать ряды сельских ремесленников.

Вместе с тем включение экономики губернии в национальный рынок создавала условия, при которых труд малоквалифицированной массы вновь рекрутируемых кустарей имел ограни-

ченные возможности использования. В результате значительная доля сельских промышленников искала заработка в отхожих, в том числе кустарных промыслах. Новые хозяйственные условия определили модернизационные процессы в товарных отраслях кустарной промышленности. Наиболее активная часть мелких сельских промышленников, адаптируясь к рыночным условиям, составила социальную базу формирующегося слоя предпринимательской верхушки, не являвшейся в полном смысле буржуазной, но имевшей признаки, указывающие на ее дальнейшую капиталистическую эволюцию.

Альтернативным направлением концентрации производства на основе частной инициативы стала кооперативная модернизационная парадигма. В этой форме организации кустарного производства эффективность достигалась не за счет разделения труда наемных рабочих, а за счет обобществления трудовых и материальных ресурсов мелких производителей. В результате модернизации в кустарной промышленности губернии стало формироваться функциональное пространство мелкого промышленного ручного труда, имманентного индустриальной структуре экономики. Ручной, наделенный особыми умениями труд мастера сохранял свое значение в отраслях, где основную долю вновь создаваемой стоимости составляли трудовые затраты. Помимо прочего, последствия модернизации проявлялись в специализации кустарной деятельности. Хотя и не столь заметно, как социальные сдвиги, наблюдался процесс дифференциации аграрной и промышленной деятельности крестьянского населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернер И.А., Добротворский Н.А. Курская губерния: итоги статистического исследования. Курск: Тип. губ. земства, 1887. 498 с.
2. О кустарных промыслах Курской губернии / сост. Н.А. Добротворский. Курск: Тип. уезд. земства, 1885. 36 с.
3. Сборник статистических сведений по Курской губернии: отдел общих [Т. I. Ч. II. Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян Центрального района / сост. Н.А. Добротворский]. Курск: Тип. губ. земства, 1885. 228 с.
4. Сборник статистических сведений по Курской губернии: отдел хозяйственной статистики [Вып. 8. Щигровский уезд]. Курск: Тип. губ. земства, 1885. 676 с.

REFERENCES

1. Verner I.A., Dobrotvorskii N.A. Kurskaya guberniya: itogi statisticheskogo issledovaniya [Kursk Province: the Results of Statistical Studies]. Kursk, Tip. губ. zemstva, 1887. 498 p.
2. O kustarnykh promyslakh Kurskoi gubernii [About Artisan Crafts of Kursk Province / comp. N. And. Dobrotvorskaya. Kursk: Type. County]. Kursk, Tip. uезд. zemstva, 1885. 36 p.
3. Sbornik statisticheskikh svedenii po Kurskoi gubernii: otdel obshchii [T. I. CH. II. Promysly i vnezemledel'cheskie zanyatiya krest'yan T'Sentral'nogo raiona / sost. N.A. Dobrotvorskii]. Kursk: Tip. губ [Collection of Statistical Information on the Kursk Province: the Department of General [T. I. part II. Non-agricultural Trades and Occupations of the Central District Peasants / comp. N. A. Dobrotvorskaya]. Kursk: Type. lips]. Kursk, Tip. губ. zemstva, 1885. 228 p.
4. Sbornik statisticheskikh svedenii po Kurskoi gubernii: otdel khozyaistvennoi statistiki [Вып. 8. Shchigrovskii uезд]. Kursk: Tip. губ [Collection of Statistical Information on the Kursk Province: Department of Economic Statistics [Vol. 8. Shchigrovsky District]. Kursk: Type. lips]. Kursk, 1885. 676 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сарыков Евгений Сергеевич – соискатель кафедры истории и культурологии Московского государственного университета леса;
e-mail: essarykov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sarykov, Evgeniy S. – competitor for a degree of the department of History and Culturology, Moscow State Regional University;
e-mail: essarykov@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сарыков Е.С. Пореформенная эволюция крестьянской промышленности Курской губернии в 1860-1880 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 1. С. 123-132.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-123-132

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Sarikov. Evolution of post-reform peasant industry of Kursk province in the 1860-1880 years // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Politic Sciences. 2016. no 1. Pp. 123-132.
DOI: 10.18384/2310-676X-2016-1-123-132